

ИСПОЛНИТЕЛЬ

*Покидая свое тело как пожарище в смертном бою,
Наблюдая как тональность уходящую веру свою.
Покрывая площадями неприступную гордость границ,
Разворачивая знамя одиноких сердец и границ.*

Только после его смерти я узнала, что его лучшие стихи написал Роман Неумоев. И все, что мне хотелось сказать о его сочинениях, как-то рассыпалось окончательно, потому что оказалось, что эти предметы ничем не соединены: за ними нет ни личного взгляда, ни сильного чувства.

его песни, его музыкальные композиции похожи на разноцветные такие волосатые мочалки очень толстые, и когда их рассматриваешь близко, видишь, из чего это все сделано – из люськи, из алкоголя, из травы – возникает бессильное ощущение обмана: это же просто гон. Таких, где слышна поэзия, стихов у него мало, и в большинстве это ранние вещи, и я задумываюсь со страхом и сомнением – а что было тогда: алкоголь? марцефаль? винт? Не хочу этого знать.

Трудно назвать все, в чем меня это коснулось. Потому что это целая эпоха, в социальном таком смысле, это часть культуры, к которой я принадлежала, и это меня касается лично, по многим линиям.

Летов казался неуязвимым всегда, и эта неукротимость была, конечно, весьма театральной и декларативной, но тем не менее, он превратил себя, свой голос, свое звучание – в символ непримиримости. А мы жили в такое время, когда иероглиф неукротимости был очень значимым. Как для средневекового человека икона была воплощенной молитвой, вот так он воспринимался: я жила и знала, что это есть. Это сформулировано. Этот образ – он пламенеет. И степень его условности казалась не столь существенной.

Он всегда был такой исступленный, такой... на пределе экспрессии. Причем эта экспрессия временами балансировала где-то между вымученностью и занудством. Как будто он все старался себя завести, а масла не хватало. А чего он там внутри себя думал, никто так никогда и не узнал. В его произведениях не было личного отношения к миру.

Вот это меня всегда отталкивало – что он неискренний и очень испуганный внутри. Очень неуверенный. Я думаю, что страх – это главное чувство, которое исходило от него непрерывно, как беззвучный вой – сколько ни пытался он его заглушить.

Все, про что он пел, кричал и мычал – принадлежало кому-то. Это были темы, которые ему показались захватывающими, и он их озвучил. Я бы сказала, что

в творчестве его широко и механично отобразилась полифония российской социальной современности, во всей ее хаотичной бессодержательности. Его поздние композиции напоминают узоры фракталов, которые так же бесконечно множественны, неповторимы и однообразны. Впрочем, с определенного возраста большим артистом называют уже не за чистоту дара, а за то, что просто дожил.

Когда кого-то долго числишь в своей стае, потом уже не всматриваешься слишком. Завораживает одна мысль, что этот ветер уносит не только тебя. И когда наконец приближаешься, чтобы проститься, чтобы назвать имена и знаки, и прозрачная поэзия рассыпается на глазах в маленький человеческий мусор – это утрата.

март 2008